

САМАЯ ЯРКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ЗЕМЛИ

Карло КАЛАДЗЕ

ОСТАЮСЬ
ПОЭМОЙ
ОКТЯБРЯ

С юностью моей
мои седины
встретились, как гром
с голубизной.
Жизни золотая серединка
остается где-то за спиной.
Знай: безвозвратно
оторвала
юности высокая зора.
Постарел я,
но не в этом дело —
остаюсь поэзмой Октября.
Кандидат, звенящим струею,
бросил мой народ —
и сбросил я.
Строма сам себя вновь
и снова,
Как страна вздохнувшая
моя.
Утреннее красное светило,
пламя опаленных вечеров
Помыло с яростно смисл
В строках начинавшихся
стихов.
Первые победные
сраженья.
Вольный труд,
ликующий кругом,
Каждое дыханье
и мгновенье
В сердце отражается моем.
Что сказал,
что только в бурю светят
Тех годов горячих заря!!
Нет и нет —
прочтите строки эти —
остаюсь поэзмой Октября.

Перевод с грузинского
Александра Глезера.

Тураб ТУЛА

РУССКОМУ
НАРОДУ

Слава тебе,
благородный народ.
В наших сердцах
благодарность живет.
Счастье мы в дружбе
с тобой обрели.
Жизнь, о которой мечтали,
наши.

Братство народов
прекрасный букет
ты озаряешь,
как солнечный свет.

Мужество, мудрость
и стойкость твою
каждой строкой,
каждой песней ною!

Перевод с узбекского
Александра Глезера.

Салих ГУРТУЕВ

РОДИНА

Пусть даже согрнуты горы
и грудь на грудь пойдет,
дышь, дробь и смерчи поднимая,
одна другую поднимая —
Отчизна! Пять этих просторов
и будь даже этот час!

Пусть даже буйный бег
Черка, не в силах выстоять в борьбе
с исчадием зла, прекратится,
и — никогда уж не струнтятся ручьи,
ключами и горными
реками —

я думать буду о тебе!

Пусть даже злобный знойный
ветер
сожмет деревья и траву
и соловьюную руладу
уже не услышит, и прокладу
не смыщешь — промыту на свете,
но без тебя не проиню!

И даже если мне случится
нести на сердце тяжкий
груст —

во дни всепленского генасы
ми в час семейного
несчастья —

Отчизна! Ты мне будешь
ситься,

тому порукою — Эльбрус!

Авторизованный перевод
с башкирского
Бориса Чечилинцева.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

В. ОЛЬШЕВСКИЙ

на весь мир и каждое слово с границы Красной площади слышно всему миру.

Когда-то наш большой друг мексиканский художник Ривера написал картину — вид на Красную площадь, вид на Кремлевской стены, с того места, где ворота Александровского сада. В картине, на высоком и крутом подъеме, — Мавзолей и Спасская башня. В картине подъем получился гораздо круче, чем выглядит на самом деле. Это как восходящее. Художник написал картину по памяти, по воображению, у себя в Мексике, думая о Москве и о Красной площади, и его воображение выдало то, что живет в каждом из нас: путь на Красную площадь очень высок.

Очень высокий подъем, и с виду блещущий синью прожекторов — красный флаг над Красной площадью. Над куполом здания Верховного Совета страны — Государственный флаг Советской державы. В нем все, что есть Советская держава. Красный — цвет победы и цвет борьбы. Помните: ваш любимый цвет? — красный! Это Маркс так однажды ответил. Красный — это флаги Пресненской и Флаги Октября. И кумач пиджак, и знамя Победы. И все красные флаги со всего мира в нем — флаге над Красной площадью. Отечество трудающих, отечество сопричастных Бессмертие пролитой крови и бессмертие победного труда в кремлевском флаге.

Красный флаг, Красная площадь... «Паспорт № 1. Наименование: Красная площадь...»

Это документ из контракта эксплуатации центральных улиц и площадей при Мосгорсплкоме. Технический паспорт на Красную площадь. Документ составлен 1945 году — в старом денежном исчислении: 6.729.116 рублей 60 копеек. Это необычно и чуть наивно, и трогательно: сколько стоит гранит на Красной площади. А у границы этого города, что находитя на полвека: стал восемнадцатый год. Это была киносъемка.

Это документ из контракта эксплуатации центральных улиц и площадей при Мосгорсплкоме. Технический паспорт на Красную площадь. Документ составлен 1945 году — в старом денежном исчислении: 6.729.116 рублей 60 копеек. Это необычно и чуть наивно, и трогательно: сколько стоит гранит на Красной площади. А у границы этого города, что находитя на полвека: стал восемнадцатый год. Это была киносъемка.

и

ему хотят помочь: «Осторожно, пожалуйста, у меня еще болит плечо», — говорит Ленин, он только выздоровел после ранения. — Тевин перекрест ленту — и площадь видит на стене старой башни крепкого вестника революции, осиянного солнцем.

Здесь были лозунги «5 в 4» — ударный день первых пятилеток, здесь были машины блюмингов и снопы колосьев, знамя Партии Коммунисты было на Красной площади, и разворачивались физкультурные парады, эскадрильи самолетов вычерчивали на военных парадах и на площади ими Родиной, ими партии, ими комсомола, мы, мальчишки тех лет, с трибун выпустили из гондолы, с трибуны и этот день. Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну, он трижды выступил и этот день.

Солнце, весна, красные стили, море голов. Вот народ расступается, чтобы пропустить празднично украшенный трамвай. Его пассажиры — дети — Зооноголося с красными флагами в руках — дети покоя, и Ленин видит их. Ленин говорит с трибуны о них. За дальность лет вы слышите голос — тогда не было микрофонов — членов физкультурного ленинского общества: «Да сих пор, как оказалось, говорили о том, что увидят дети наши на темпере, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будет строить это здание наши дети».

В девяностом году первого мая был солнечный день. В тот год рано пришла весна. Был митинг на Красной площади, Ленин перешел с трибуны на трибуну

ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ

качество — знак времени

ОБРУЧЕНИЕ С ШИРПОТРЕБОМ

Необычна судьба этого ювелирного промысла. Трудно было еще до революции отыскать в России село, деревню или хуторок, где бы женщины не носили лепешевых красносельских серег-калачей или колечек «супирав». Годовой вес продукции, выпускаемой в Красном, доходил по двум тысячам пудов, а состояла эта продукция в основном из 3—5-граммовых изделий. Уже по одним этим цифрам можно догадаться, что работали здесь не столько художники, сколько ремесленники. И действительно, производство ювелирных изделий было здесь разобщено: в одной семье делали кольца, в другой — броши, в третьей — браслеты. За высохим забором — свою «домашнюю» фабрику, тщательно охраняли секреты мастерства.

Так работал и мастер Андрей Федорович Чулков, и сын его Иван Андреевич. Внуки А. Ф. Чулкова — Петр Иванович — ныне главный художник Красносельской ювелирной фабрики (точнее, старший художник). Да и фабрика с недавнего времени переименована в завод.

Петр Иванович напоминает мне несколько оригинальных сувенирных образцов. Здесь ладья «Кострома», заливные фигуры животных из сканы — бизон, енот, бычок, предметы сервировки стола и многие другие удивительные вещи. И нет ни одной повторяющейся.

Художников сейчас на заводе десять человек. Есть среди них и потомственные ювелиры, продолжатели фамильных династий. В первую очередь назовут вам фамилию Грушевских. Почти все они — люди молодые, как Чулков, или среднего возраста, почти все окончили местные училища художественной обработки металла. Они разрабатывают образцы новых изделий, создают эскизы. Потом мастера-модельеры выполняют их замыслы в металле. Делают теперь на заводе объемные сканые фигуры, ювелирные украшения, всевозможные вазочки, конфетницы, сухаринки — то, что официально называется «посудной группой». Лучшие изделия засланные мастера побывали на выставках в Париже, Брюсселе, Мюнхене, Токио.

За последние пятидесяти лет предприятие значительно расширилось: построены новые корпуса, улучшилось техническое оснащение. Ныне Красносельский ордена «Знак Почета» ювелирный завод десять человек. Есть среди них и потомственные ювелиры, продолжатели фамильных династий. В первую очередь назовут вам фамилию Грушевских. Почти все они — люди молодые, как Чулков, или среднего возраста, почти все окончили местные училища художественной обработки металла. Они разрабатывают образцы новых изделий, создают эскизы. Потом мастера-модельеры выполняют их замыслы в металле. Делают теперь на заводе объемные сканые фигуры, ювелирные украшения, всевозможные вазочки, конфетницы, сухаринки — то, что официально называется «посудной группой». Лучшие изделия засланные мастера побывали на выставках в Париже, Брюсселе, Мюнхене, Токио.

За последние пятидесяти лет предприятие значительно расширилось: построены новые корпуса, улучшилось техническое оснащение. Ныне Красносельский ордена «Знак Почета» ювелирный

завод становится современным предприятием с автоматическими и полуавтоматическими линиями.

Началось бы работать да разошлось Петру Ивановичу Чулкову и его коллегам. А тем не менее беспокоят их некоторые тенденции в развитии старинного промысла. Беспокоит, например, тот факт, что с заводом за последние пять лет уволилось много людей, в том числе и художников; что выпускников училища последних лет на заводе почти не встретишь. Одной из причин, конечно, является жилищная проблема, которая здесь остра. Но основную причину видят они встечи в другом. Если посмотреть план завода за последние несколько лет, то можно увидеть такую картину: в 1965 году — 10 миллионов рублей, в том году — 87, а к концу пятилетки — 20 миллионов. В нынешнем году Главовеллерпром «спустя» план создания новых художественных изделий 240 видов (против 180 видов в прошлом году) и 110 — в семидесят первом). А в 1974 году красносельские мастера должны выдать 260—290 наименований. В большинстве это малюжественные изделия из золота — материя, чуждого красносельским. Самое печальное то, что расширение номенклатуры не предусматривает увеличения числа художников: все это должно осуществляться за счет учреждения разрабатываемых ими изделий.

Так, например, в плане на второе полугодие на художника Ю. Каналерова записано: «брючные кольца под литье, кольца под штамп, серьги под литье, серьги под штамп, броши из золота, серебра и других металлов. И лишь в самом конце списка приоткрытое — посуда, сувениры. А сколько, скажали ему, не заниматься? И вот одному из ведущих художников завода, изделий которого — фигуры животных из сканы, филигранные панно с животными сценами, ювелирные картины — откликаются высоким художественным вкусом, побывали на многих выставках!

Похоже, что вся «художественность» сводится к тому, чтобы создать золотое обручальное кольцо, отвечающее технологическому процессу. И вот делает художник такое кольцо и чувствует, что его окружают с ширпотребом, с ремеслом. Один мастер говорил мне с горечью: «Мы пытались творческий застой. Прямо все бросил бы и уехал.

А. ПУРТОВ.
С. КРАСНОЕ.
Костромская область.

